

Внезапно нарушенъ священный покой:
 То робкія жены — ихъ взоръ боязливый
 Наполненъ слезами и дышетъ тоской.
 Одна — молодая, въ печали глубокой,
 Какъ ландышъ весенній бѣла и нѣжна;
 Другая — лѣтами и грустью жестокой
 Могилѣ холодной давно суждена.
 Предъ ними, закрытый волнистою тогой,
 Въ пернатомъ шоломѣ, въ бронѣ боевой —
 Невѣдомый воинъ, унылый и строгій,
 Стоитъ безъ отвѣта, съ поникшей главой.
 И тяжкая мука, и плачь, и рыданье
 Подъ сводами храма въ освѣщенной мглѣ, —
 И видны у воина гнѣвъ и страданье,
 И тайная дума, и месть на челѣ.
 И вдругъ, изнуренный душевнымъ волненьемъ,
 Какъ будто воспрянувъ отъ тяжкаго сна,
 Какъ будто испуганъ ужаснымъ видѣньемъ:
 «Прости же», сказалъ онъ, «родная страна!
 Простите, сыны знаменитой державы,
 Которой побѣды, и силу, и честь
 Мрачить и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
 Народа слѣпаго безумная месть!
 Я правъ и свободенъ! я гордой отчизнѣ
 Принесъ дорогую, священную дань —
 Младя надежды заманчивой жизни,
 И сердце героя, и крѣпкую длань.
 Не я ли, могучій и дѣломъ, и духомъ,
 Рѣшалъ многократно сомнительный бой?
 Не я ли наполнилъ Италію слухомъ
 О гениі Рима, враждуя съ судьбой?
 И гдѣ же награда? Народъ благодарный,
 Въ минутномъ восторгѣ, вождя увѣнчалъ —
 И вновь увлеченный толпою коварной,
 Его же свирѣпо судилъ и изгналъ!
 Простите-жъ, сыны знаменитой державы,
 Которой побѣды, и силу, и честь
 Мрачить и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
 Народа слѣпаго безумная месть!...»

VII.

Протяжно гремѣли суровые звуки,
 И глухо исчезли въ ночной тишинѣ;